

ГДЕ-ТО ИГРАЕТ ОРКЕСТР

«ГДЕ-ТО ИГРАЕТ ОРКЕСТР»

Некоторые истории, будь то рассказы, повести или романы, создаются, как вы, наверное, догадываетесь, в результате какого-то одного, мгновенного, ясного озарения. Другие же рикошетом отскакивают от самых разных событий, составляющих нашу жизнь, и лишь по прошествии времени объединяются в законченное произведение.

Когда мне исполнилось шесть лет, мой отец, заядлый путешественник, перевез нас по железной дороге в Тусон, штат Аризона, где мы прожили ровно год в эпоху значительных перемен; для меня это было время увлекательных открытий. Городок, тогда еще совсем небольшой, стремительно развивался. Что может быть интереснее, чем расти вместе с городом? Там было вольготно, да к тому же у нас подобралась отличная компания.

Через год мы вернулись в Уокеган, штат Иллинойс, где я родился и провел первые годы жизни. Но в двенадцать лет меня опять увезли

в Тусон, и новый переезд принес мне еще более увлекательные открытия, потому что жили мы за городом и я бегал в школу через пустыню, разглядывая по дороге диковинные кактусы, проворных ящериц, пауков, а иногда и змей; именно тогда, в седьмом классе, я начал писать.

Много позже, когда я провел почти год в Ирландии, где писал для Джона Хьюстона сценарий по роману «Моби Дик», мне попались на глаза произведения канадского юмориста Стивена Ликока. Среди всего прочего я обнаружил совершенно очаровательную книжицу, озаглавленную «Солнечные зарисовки маленького города».

Увлечшись этой книжкой, я даже пытался уговорить студию «Метро-Голдвин-Майер» снять по ней фильм. Напечатал несколько пробных страниц, чтобы показать, какой видится мне будущая экранизация. На студии не проявили к этому ни малейшего интереса, и у меня осталось начало сценария, воссоздающего атмосферу провинциального городка. При этом я не мог выкинуть из головы полюбившийся мне Тусон, исхоженный мною вдоль и поперек сначала в шесть лет, а потом в двенадцать, и сам начал писать пьесу и рассказ о городе, затерянном среди пустынь.

В те годы я нередко видел Кэтрин Хепберн, как в жизни, так и на экране; ее неувядаемая юность вызывала у меня огромное восхищение.

В 1956 году, когда ей было уже под пятьдесят, она снялась в фильме «Лето». Эта роль, можно сказать, заставила меня сделать ее главной героиней рассказа, тогда еще безымянного, но с очевидностью приближавшего меня к повести «Где-то играет оркестр».

А лет тридцать назад я посмотрел фильм «Ветер и лев» с Шоном Коннери; там звучала потрясающая музыка Джерри Голдсмита. Она так меня захватила, что я подобрал ее по слуху и сочинил слова — длинное стихотворение, которое легло на эту волшебную мелодию.

Так образовался еще один фрагмент мозаики под названием «Где-то играет оркестр»; между тем я начал работу над произведением, замысел которого еще не имел четких очертаний, хотя эпизоды, с моей точки зрения, наконец-то связались воедино: год жизни в Тусоне, когда мне было шесть лет; еще один год жизни там же, но уже в двенадцатилетнем возрасте; калейдоскоп впечатлений от Кэтрин Хепберн, в том числе и от ее блистательной актерской работы в фильме «Лето», а также мои стихи на музыку из фильма «Ветер и лев». Все это удачно сложилось вместе и подтолкнуло меня к написанию объемного пролога, за которым появилась на свет и сама повесть.

Рэй Брэдбери

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, как мне повезло: у меня скопились разные заметки, которые все время были под рукой и в конечном счете срослись в единое повествование — «Где-то играет оркестр». Еще мне повезло в том, что на моем пути встретилось немало помощников и помощниц. Одна из них, причастная к появлению этой повести, — моя добрая фея Энн Хардин, которая в последние годы приложила немало усилий к тому, чтобы это произведение увидело свет. Недаром ее имя стоит в посвящении.

Не скрою, у меня долгие годы теплилась надежда закончить повесть в обозримые сроки, чтобы сделать по ней пьесу или сценарий для Кэтрин Хепберн без оглядки на ее возраст. Кэти терпеливо ждала, но время шло, она стала уставать и в конце концов покинула этот мир. Единственное, что теперь в моих силах, — посвятить ей эту историю.

*Посвящается
Энн Хардин и Кэтрин Хепберн,
с любовью*

ГЛАВА 1

Впустынной местности вольготно было ветру, солнцу и кустам полыни, да еще тишине, которая робко тянулась кверху вместе с полевыми цветами. Сквозь эту тишину пролегали рельсы, и сейчас они задрожали.

Направлением с востока мчался, пыхтя огнем и паром, темный железнодорожный состав, который с грохотом проскочил мимо станции. Он едва-едва замедлил ход у платформы, усыпанной кружочками конфетти, — здесь проводники в незапамятные времена компостировали билеты. Локомотив притормозил ровно настолько, чтобы из вагона, как из катапульты, успел вылететь одинокий саквояж, за которым выпрыгнул и по инерции пробежал вперед молодой человек в неглаженном летнем костюме; поезд с ревом помчался дальше, словно зная не знал ни этой платформы, ни саквояжа, ни его владельца, а тот, спотыкаясь, сделал еще несколько шагов и остановился, чтобы оглядеться, благо пыль уже слегка осела и в пред-рассветной дали проступили силуэты домов.

— Черт побери, — забормотал он. — Оказывается, тут что-то есть.

Ветер развеял пыль, приоткрыв еще какие-то крыши, шпили и верхушки деревьев.

— Зачем? — спросил он шепотом. — Почему я здесь?

И еле слышно ответил самому себе:

— Потому что.

ГЛАВА 2

Потому что.

В полусне прошлой ночи ему являлись слова, проступавшие на внутренней стороне век. С закрытыми глазами он читал бегущие строки:

Где-то играет оркестр,
И трубы его слышны
Подсолнухам и матросам
На службе чужой луны.

Частая дробь барабана
Дрожит под пятой времен
И летние помнит туманы,
И год, что еще не рожден.

— Погоди-ка, — услышал он свой голос. Стоило ему открыть глаза, как слова исчезли. Он оторвал голову от подушки, но передумал и снова улегся.

И опять на внутренней стороне закрытых век читалось, как по писаному:

Грядущее видится былью
И пахнет седой стариной
И древней египетской пылью,
Сиренью и мглой ледяной.

Персик, созревший на ветке,
Солнцем согрел мирок,
Где мумия в каменной клетке
О будущем даст урок.

Тут веки у него дрогнули и сами собой
крепко зажмурились, словно желая кое-что
подправить, а то и стереть дочиста.

Потом он стал глядеть в темноту, и строчки
заново поплыли в сумерках его сознания, а
слова были такие:

Дети выходят на берег,
Чертят судьбу на песке,
Смерти они не верят,
Что бродит невдалеке.

Где-то играет оркестр.
Лето плывет вперед.
Здесь никому не спится
И больше никто не умрет.

Слышится стук сердечный,
Бьет в барабан луна.
Рядом проходит Вечность,
Но поступь ее не слышна.

— Это уж слишком, — услышал он свой
шепот. — Это чересчур. Больше не могу. Неу-
жели вот так и сочиняются стихи? Откуда что
берется? Надеюсь, это все? — размышлял он.

И безо всякой уверенности, опустил голову на подушку, закрыл глаза — а в них опять поплыли строки:

Где-то скитается старость,
Летний обходит зной
И спит на полях пшеничных,
Чтоб там молодеть с луной.

Где-то печалится детство,
Знавшее скорбь и прах,
И мечется, как в лихорадке,
А рядом маячит страх.

Жизнь приготовит им ужин,
Застолье на много миль.
Бессилье наполнится силой,
А яства покроет гниль.

Где-то играет оркестр —
Кто слышит, тот вечно юн,
И в танце кружится с ветром
Июнь... И опять... июнь.

И Смерть, не в ладах с собою,
Умолкнет перед судьбою.
Июнь... И опять... июнь...

В глазах осталась только непроглядная темень. Сумерки выдались тихими.

Он лежал и недоуменно смотрел в потолок, широко раскрыв глаза. Повернулся на бок, взял с тумбочки почтовую открытку и принялся разглядывать изображение.

Наконец он приглушенно спросил:

— А счастье-то мне выпало?

И сам себе ответил:

— Нет.

Он медленно-медленно выбрался из постели, оделся, спустился по лестнице, поехал на вокзал, купил билет и сел в первый поезд направление на запад.

ГЛАВА 3

Потому что.

Странное дело, подумал он, разглядывая убегающие вдаль рельсы. Этой точки на карте нет. Но, как только поезд притормозил, я спрыгнул, потому что...

Он обернулся и над обветшалым привокзальным домиком, утопающим в песчаных волнах, заметил истерзанный ветрами указатель: «САММЕРТОН, ШТАТ АРИЗОНА».

— К вашим услугам, сэр, — послышался голос.

Опустив взгляд, путешественник увидел светловолосого, ясноглазого человека средних лет, который сидел на хлипком крыльце, отклонившись назад, в тень. Над ним висела целая коллекция форменных фуражек с различными надписями: «КАССИР», «НОСИЛЬЩИК», «СТРЕЛОЧНИК», «ДЕЖУРНЫЙ», «ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ». А на голове у него красовалась фуражка с ярко-красной надписью, вышитой на кокарде: «НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ».

— Чего изволите, — продолжал он, пристально глядя на незнакомца, — билет на ближайший поезд? Или такси до «Герба египетских песков»? Два квартала езды.

— Сам не знаю. — Молодой человек утер пот со лба и, прищурившись, огляделся вокруг. — Я только что сошел с поезда. Точнее, спрыгнул. Неизвестно зачем.

— Всегда надо действовать по наитию, — сказал начальник станции. — Глядишь — и повезет: из огня попадешь не в полымя, а в озерную прохладу. Ну, что будем делать?

Ему пришлось долго ждать ответа.

— Такси до «Герба египетских песков», два квартала езды, — скороговоркой выпалил приезжий. — Решено!

— Отлично, хотя египтян в здешних песках не встретишь и дельту Нила не увидишь. А до Каира, что в штате Иллинойс, тысяча миль на восток. Зато гербов, на мой взгляд, у нас предостаточно.

Местный житель поднялся с кресла и, сняв фуражку начальника станции, сменил ее на другую, таксистскую. Когда он наклонился за саквояжем, приезжий спросил:

— Разве можно вот так покидать?..

— Станцию? А что ей сделается? Рельсы ведут куда следует, красть тут нечего, а ближайший поезд — только через пару дней. Пошли.

Он подхватил саквояж и направился из этого уныния за угол.

Позади станции никакого такси не было и в помине. Там стоял довольно симпатичный статный белый конь, ожидавший ездоков. Он был запряжен в небольшую крытую повозку с высокими бортами и выписанной сбоку рекламой: «Пекарня Келли. Свежий хлеб».

По знаку водителя такси приезжий запрыгнул на козлы. Устроившись в тени под козырьком, он втянул носом воздух.

— Необыкновенный запах, правда? Большая редкость в наше время, — сказал водитель такси. — Только что развез пять дюжин хлебов!

— Благоухание, — откликнулся молодой человек, — как в райском саду наутро после творения.

Таксист вскинул брови.

— Интересно, — произнес он, — почему газетчик с задатками писателя решил посетить город Саммертон, штат Аризона?

— Потому что, — ответил приезжий.

— Потому что? — переспросил пожилой таксист. — Это одна из самых веских причин на свете. Оставляет большой простор для толкования.

Взобравшись на облучок, он с нежностью посмотрел на заждавшегося конягу, цокнул языком и негромко скомандовал:

— Н-но, Клод.

И конь, услышав свое имя, повез их в город Саммертон, штат Аризона.

ГЛАВА 4

Воздух, раскаленный с самого утра, постепенно сменился прохладой, когда дорога нырнула под сень деревьев.

Приезжий подался вперед:

— А как вы угадали?

— Что? — спросил кучер.

— Что я писатель, — пояснил молодой человек.

Кучер глянул на проплывавшие мимо деревья и понимающе кивнул.

— У тебя язык шлифует слова на выходе. Ты говори, говори.

— О Саммертоне чего только не болтают, я сам слышал.

— Много кто слышит, да редко кто приезжает.

— Например, что ваш город словно из другого пространства и времени — исчезающий, что ли. Хочу верить, он уцелеет.

— Дай взглянуть тебе в глаза, — попросил возница.

Газетчик повернулся и посмотрел прямо на него.

Извозчик опять кивнул:

— Ага, еще не замутились. Надеюсь, ты видишь то, на что смотришь, и говоришь от сердца. Милости прошу. Фамилия моя Калпеппер. Зовут Элиас.

— Мистер Калпеппер, — молодой человек дотронулся до его плеча, — Джеймс Кардифф.

— Надо же! — изумился Калпеппер. — Звучные фамилии. Калпеппер и Кардифф. Можно подумать, дорогие адвокаты, архитекторы, издатели. Прямо как по расчету. Был Калпеппер, теперь добавился Кардифф.

В тени деревьев коняга Клод прибавил ходу.

Пока они ехали по улицам, Элиас Калпеппер, указывая то направо, то налево, не умолкал ни на миг.

— Вот тут конверты делают. Отсюда ведет начало вся наша переписка. Это парогенераторная станция, когда-то пар давала. Позабыл, для чего. А сейчас проезжаем редакцию «Калпеппер Саммертон ньюс». Если раз в месяц случается новость, она попадает в газету! Четыре полосы крупного набора, удобного для чтения. Как видишь, мы с тобой, так сказать, одного поля ягоды. Только ты, разумеется, не правишь лошадьми и не компостируешь билеты.

— Где уж мне! — сказал Джеймс Кардифф, и они добродушно посмеялись.

— А это, — продолжал Элиас Калпеппер, когда Клод, описав дугу, свернул в переулок, где соединялись кронами вязы, дубы и клены, вплетая голубое небо в свой причудливый зеленый узор, — это Нью-Санрайз. Самый богатый район. Вот здесь живет чета Рибтри, по соседству — семейство Таунвей. А там...